

УДК: 332.1

DOI: 10.17586/2310-1172-2022-15-4-25-35

Научная статья

Пространственная трансформация Европейского Севера России: тенденции и особенности управления*

Патракова С.С. sspatrakova@bk.ru

Вологодский научный центр Российской академии наук
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Для современной России обеспечение устойчивого развития территорий Севера и Арктики, обладающих значительным экономическим потенциалом и обширными запасами природных ресурсов, является стратегической целью. Достижение этой цели подразумевает необходимость решения целого комплекса задач, в том числе связанных с формированием наиболее оптимальной структуры экономического пространства, управлением его трансформацией в целях обеспечения пространственного развития северных территорий. Целью настоящей статьи является исследование тенденций и выявление особенностей управления пространственной трансформацией Европейского Севера России, в том числе с учетом необходимости перехода страны к инновационной модели развития. Объект исследования – регион, как сложная социально-экономическая система, предмет – его пространственная трансформация. В работе использованы методы сравнительного анализа, обобщения, синтеза, а также абстрактно-логический и другие приемы научной обработки информации. Информационную базу исследования составили данные Росстата, а также нормативно-правовые акты и стратегические документы в области территориального и пространственного развития регионов России. Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области региональной и пространственной экономики, экономической географии. В ходе исследования выделены ключевые тенденции и направления трансформации пространства Европейского Севера: локационное и коммуникационное сжатие, усиление связности ключевых экономических агентов, переход к новым схемам организации и моделям освоения пространства. Определено, что управление пространственной трансформацией региона ориентировано преимущественно на дальнейшее освоение ресурсов Севера и Арктики и сохранение экспортно-сырьевой модели экономики, а не формирование инновационной экономики новых технологических укладов. Выявлено, что во всей совокупности инструментов управления трансформацией региона преобладают традиционные для отечественной практики и слобоинновационные инструменты. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления при совершенствовании политики социально-экономического и пространственного развития территорий, а также научными сотрудниками и другими заинтересованными лицами при проведении исследований схожей тематики.

Ключевые слова: экономическое пространство, пространственная трансформация, Европейский Север России, регион, инновационная модель развития.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-90035 «Механизмы повышения роли сельских территорий в обеспечении сбалансированного пространственного развития северного региона»

Spatial transformation of the European North of Russia: trends and management features

Patrakova S.S. sspatrakova@bk.ru

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
160014, Russia, Vologda, Gorky Street, 56A

The strategic goal of modern Russia is to ensure the sustainable development of the territories of the North and the Arctic, which have significant economic potential and extensive reserves of natural resources. Achieving this goal implies the need to solve a whole range of tasks (social, economic, infrastructural, etc.), including those related to the formation of the most optimal structure of the economic space. The purpose of this article is to study trends and identify the features of managing the spatial transformation of the European North of Russia, including taking into

account the need for the country's transition to an innovative development model. The object of research is the region as a complex socio-economic system, the subject is its spatial transformation. The methods of comparative analysis, generalization, synthesis, as well as abstract-logical and other methods of scientific information processing are used in the work. The information base of the study was made up of Rosstat data, as well as regulatory legal acts and strategic documents in the field of territorial and spatial development of the northern territories of Russia. The methodological basis of the study was the works of domestic and foreign scientists in the field of regional and spatial economics, economic geography. In the course of the study, the key trends and directions of transformation of the space of the European North are highlighted: location and communication compression, strengthening the connectivity of key economic agents, transition to new schemes of organization and models of space exploration. It is determined that the management of the spatial transformation of the region is mainly focused on the further development of the resources of the North and the Arctic and the preservation of the export-raw material model of the economy, and not the creation of an innovative economy of new technological structures. It is revealed that in the whole set of tools for managing the transformation of the region, traditional for domestic practice and innovative tools prevail. The results obtained in the course of the study can be used by state authorities and local self-government in improving the policy of socio-economic and spatial development of territories, as well as by researchers and other interested persons in conducting research on similar topics.

Keywords: economic space, spatial transformation, European North of Russia, region, innovative development model.

Введение

Значимость территорий Севера и Арктики для России определяется множеством объективных и субъективных факторов: их значительной площадью, которая составляет порядка 60% от площади страны, имеющимися запасами природных ресурсов, экономико-географическим положением и т.д. Деградация Севера и Арктики, как отмечают ученые [1], недопустима для России и по соображениям стратегической безопасности, и по соображениям гуманности (особо актуальным в условиях пониженной мобильности населения, обусловленной неразвитым рынком жилья, низкими доходами значительной части жителей и другими факторами).

Несмотря на обозначенное, современное развитие этих территорий характеризуется множеством социально-экономических, демографических, инфраструктурных, экологических проблем, поиски решений которых осуществляют сотрудники ведущих научных центров страны (институтов Сибирского и Уральского отделений РАН, Института проблем региональной экономики РАН, Кольского научного центра РАН и др.). При этом в последние десятилетия интерес ученых также сфокусировался на исследовании проблем и перспектив пространственной трансформации данных территорий. В частности, на выявлении причин и факторов изменения систем расселения [2], изучении принципов размещения производительных сил Севера в советский и постсоветский периоды [3], исследовании особенностей и проблем управления пространственной интеграцией экономики северных регионов [4, 5] и т.д. Обусловлен такой интерес научного сообщества пониманием важности учета пространственного фактора. Как отмечал д.э.н. В.Е. Рохчин: «Стала очевидной невозможность игнорировать пространственную компоненту экономического развития, ибо пространственные диспропорции выступают, в конечном счете, фактором торможения социального прогресса, роста качества жизни населения». [6]. Цель настоящей статьи – исследование тенденций и выявление особенностей управления пространственной трансформацией Европейского Севера России, в том числе с учетом необходимости перехода страны к инновационной модели развития. Теоретическую и методическую основу составили фундаментальные труды ведущих отечественных ученых по региональной и пространственной экономике, экономической географии (д.э.н. Б.М. Гринчеля, д.э.н. С.В. Кузнецова, д.э.н. Н.М. Межевича, д.г.н. А.Н. Пилясова и других).

Информационную базу составили официальные данные Росстата, нормативно-правовые акты и стратегические документы по вопросам формирования и осуществления политики территориального и пространственного развития регионов России. В работе использованы методы сравнительного анализа, обобщения, синтеза, а также абстрактно-логический и другие приемы научной обработки информации.

Теоретико-методологические основы исследования

В наиболее общем виде в экономической науке термин «трансформация» (лат. *transformatio* – изменять) можно трактовать как преобразование структур, форм и способов экономической деятельности, изменение ее целевой направленности [7]. Способность к трансформации является одним из ключевых свойств экономического пространства¹ наряду с фрактальностью, неоднородностью, анизотропией и др.

¹ Отметим, что существует несколько различных подходов к пониманию сущности экономического пространства: ресурсный, территориальный, процессный и т.д. (подробно изложено в [8]). В рамках проводимого исследования мы

К настоящему времени в научном сообществе не сложилось единого понимания сущности пространственной трансформации (как мы полагаем, в том числе и по причине отсутствия единого подхода к пониманию самой категории «экономическое пространство»). По мнению д.э.н. С.А. Суспицина, пространственная трансформация экономики предполагает процесс изменения долговременно устойчивых показателей развития многорегиональной системы страны, очищенной от национальных трендов [9]. Как отмечает ученый, трансформацию пространства РФ можно рассматривать в рамках двух подходов: нормативного (как движение к заданной территориальной структуре экономики) и позитивистского (посредством изучения эволюции пространственного распределения экономической активности и выявления ее причин, факторов и ограничений).

В свою очередь д.э.н. Л.Б. Вардомский под трансформацией пространства понимает комплекс политических, социальных, экономических и других изменений в пространстве, вызывающих изменение тренда существующего развития и появление новых смыслов (функций) для пространства в целом и составляющих его частей [10]. По мнению ученого, подобные изменения могут являться следствием как модернизации общества и экономики, так и действия внешних и внутренних сил, приводящих к смене старых укладов, структур, институтов. Коллектив сотрудников ИПРЭ РАН (д.э.н. Б.М. Гринчель, к.э.н. Е.А. Назарова, О.И. Кошкарлова) под трансформацией экономического пространства понимает «...существенные изменения в физической локализации экономики и населения региона и изменения свойств экономической и социальной среды, влияющие на эффективность жизнедеятельности и конкурентные качества экономики региона» [11]. В целом, анализируя работы ученых по исследуемой тематике ([9-11] и другие), можно выделить два главных аспекта трансформации экономического пространства:

– во-первых, изменение распределения экономической деятельности и населения, производительных сил по территории;

– во-вторых, изменение свойств самого экономического пространства.

Несмотря на различие в трактовках категории «пространственная трансформация», ученые сходятся во мнении, что темпы и направление трансформации пространства зависят от целого ряда факторов, подразделяемых в зависимости от целей исследований на макро- и микроэкономические, управляемые и неуправляемые и т.д. Например, д.э.н. С.В. Кузнецов и д.э.н. Н.М. Межевич, исходя из мест возникновения, выделяли внутренние (например, географические масштабы и пространственные различия) и внешние (деятельность крупных корпораций и др.) факторы трансформационных процессов [12]; к.э.н. С.А. Ткачев в работе [13], классифицируя факторы в зависимости от сферы их влияния, выделял:

1) институциональный фактор (как единство двух составляющих: совокупности индивидуальных субъектов деятельности (физические лица и их группы) и организаций (как с правом юридических лиц, так и без него); нормативно-правовой системы, регулирующей деятельность и транзакции этих субъектов в процессе их взаимодействия);

2) геополитический фактор (геополитическая роль отдельных территорий);

3) инфраструктурный фактор (наличие объектов инфраструктуры и возможностей их развития, модернизации);

4) экономический фактор (межрегиональное взаимодействие, ресурсный и экономический потенциал территории);

5) социальный фактор (в статье автор не раскрывает его сущности, однако мы можем предположить, что он включает в себя наличие объектов социальной инфраструктуры, мер социальной поддержки и защиты граждан, мероприятия социальной политики и т.п.);

6) ресурсный фактор (наличие природных ресурсов);

7) пространственный фактор (уже сформировавшаяся конфигурация пространства).

При этом нельзя не согласиться с мнением С.А. Ткачева о том, что трансформационные факторы действуют комплексно и в специфической для каждого региона комбинации. Например, в настоящее время преимущественно ресурсный и геополитический факторы определяют направление трансформации пространства Севера и Арктики, Дальнего Востока, а для территорий центральной России, на наш взгляд, значение этих факторов уже не является столь определяющим. Особое влияние на трансформацию экономического пространства (на изменение и физической локализации экономической деятельности и населения, и свойств пространства) в современных условиях оказывает фактор инновационного развития регионов, о чем свидетельствуют работы [11, 14].

рассматриваем пространство с позиций системного подхода как систему, состоящую из элементов (территории, экономические агенты и т.п.) и связывающих их отношений / взаимодействий. Системный подход к трактовке категории «экономическое пространство» раскрыт в работах П.А. Минакира, А.Н. Демьяненко, В.Н. Княгина, В.В. Чекмарева и других отечественных ученых

Отметим, что инновационное развитие регионов является одной из стратегически важных задач для современной России, обусловленной необходимостью повышения конкурентоспособности страны в мировой экономике и ответа на внешние и внутренние вызовы. Решение этой сложной и многоплановой задачи подразумевает в числе прочего и необходимость поиска новых, более эффективных в современных условиях форм организации пространства, размещения производств и населения. Как отмечено в работе [15]: «подобно тому, как создание территориальных индустриальных систем в послереволюционной России, предусмотренное планом ГОЭЛРО, стало основой превращения аграрной страны в промышленную, так и теперь, почти столетие спустя, формирование пространственных инновационных систем способно стать катализатором постиндустриальной трансформации России». При этом в рамках перехода на инновационную модель развития, как свидетельствует теория и практика, востребованными становятся новые формы организации пространства: например, не крупные территориально-производственные комплексы, большие промышленные и экономические районы, разработанные и обоснованные Н.Н. Колосовским, А. Маршаллом и Дж. Бекаттини, а «малые» экономические районы, вписанные своей микроспециализацией не только в национальный, но и в глобальный рынок, скрепленные не только наземной транспортной инфраструктурой, но и воздушными, информационно-коммуникационными сетями, а также технологической, организационной и, не теряющей своей значимости, географической близостью [16]. Процесс трансформации экономического пространства, как полагает д.филол.н. О.И. Иванов [17], происходит спонтанно, но ему можно придать управляемый характер, целенаправленно воздействуя на отдельные свойства и компоненты пространства. При этом сложность и трудоемкость процесса управления трансформацией пространства обуславливается его многоаспектностью: необходимостью учета множества разнообразных факторов, интересов различных субъектов и социальных групп, специфических черт территорий, согласования приоритетов и целей развития локальных территорий и федерального центра и т.д. Для регионов России процесс осложняется также несовершенством политики государства в вопросах пространственной трансформации, о чем свидетельствует исследование [18]. Соответственно, реализация конкретных мероприятий в сфере управления трансформацией пространства России и ее регионов требует тщательной проработки и научного обоснования. В связи с этим актуальным видится проведение исследований, посвященных изучению текущих тенденций и выявлению проблем пространственной трансформации различных территорий России, построению перспективных сценариев трансформации пространства, изучению отечественного и зарубежного опыта в сфере управления пространственной трансформацией и т.п.

Результаты и обсуждение

Европейский Север России (ЕСР)² является одним из ключевых и самых больших по площади (1466 тыс. кв. км; 8,6% площади РФ) регионов европейской части страны. Регион выделяется экономико-географическим положением (на севере омывается Баренцевым и Белым морями и имеет порты на маршруте Северного морского пути; на западе граничит с Финляндией и Норвегией; на востоке и юге имеет общую границу с субъектами Урала и Центральной России) и богатейшей природно-ресурсной базой (на территории Архангельской области ведется добыча алмазов, бокситов, известняков для целлюлозно-бумажной промышленности, известняков и глин для цементного производства, Мурманской области – медно-никелевых, железных, апатитовых, редкоземельных руд и т.д.; все субъекты ЕСР обладают значительными запасами водных, лесных, биологических ресурсов). Пространство Европейского Севера исторически отличается своей разреженностью, очаговостью ведения хозяйственной деятельности и проживания, что обусловлено как огромной площадью территории, так и спецификой ее освоения (распространенным здесь является вахтовый метод освоения с небольшим числом базовых поселений, как отмечено в [19]).

На основе анализа данных официальной статистики, а также работ ведущих отечественных ученых по тематике исследования, можно выделить следующие ключевые тенденции и направления трансформации пространства современного ЕСР:

1. Локационное сжатие территорий, означающее потерю ранее обжитых, освоенных, экономически активных территорий и проявляющееся в депопуляции населения, ликвидации и обезлюдивании населенных пунктов, снижении площадей земле- и лесопользования и т.п.

Довольно остро эта тенденция проявилась в убыли населения сельских территорий: за 1990-2021 гг. на фоне общей депопуляции численность сельского населения сократилась на 37,1% (на 528,8 тыс. чел.: с 1424,2 до 895,4 тыс. чел.; рис. 1), а его удельный вес в общей численности постоянного населения на 2,7 п.п. (с 23,0 до 20,3%). Схожая ситуация наблюдается и в малых, средних и даже некогда больших городах ЕСР в основном добывающей специализации. Например, численность населения г. Воркуты за 1991-2021 гг. снизилась в 2,2 раза (с 117,0 до 52,3 тыс. чел.) по причинам закрытия угольных шахт и постепенного снижения спроса на уголь в

² В состав Европейского Севера России входят Архангельская, Вологодская, Мурманская области, республики Коми и Карелия, Ненецкий автономный округ.

мире, отсутствия связующих с другими территориями страны автомобильной, железнодорожных дорог, в целом непривлекательности города для жителей и бизнеса. Отметим, что именно в Воркуте была предпринята первая попытка сделать процесс сжатия управляемым.³

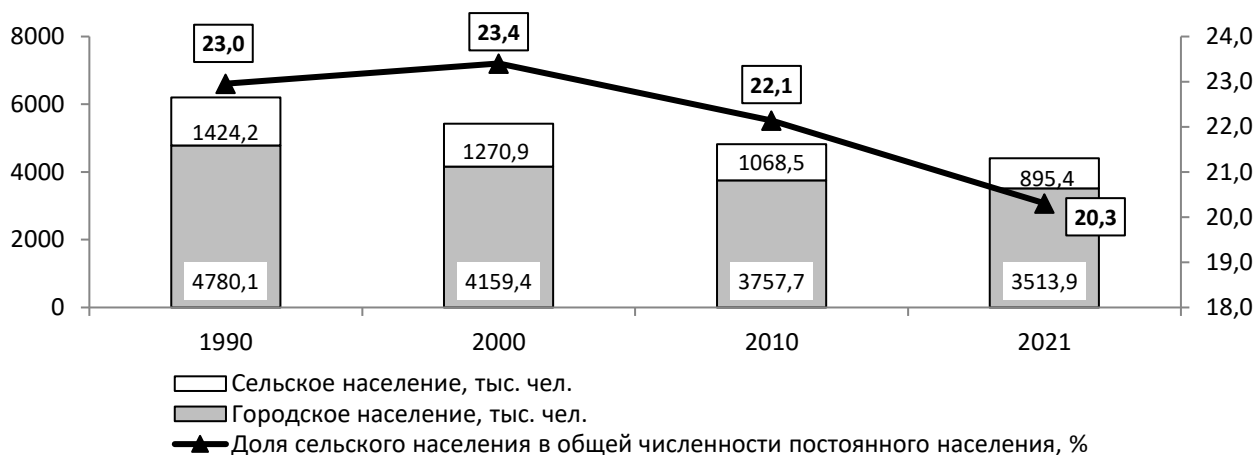

Рис. 1. Динамика численности постоянного населения Европейского Севера России
 Составлено по: данные Единой межведомственной информационно-статистической системы

Как мы полагаем, сохранение тенденции локационного сжатия территорий ЕСР (даже спустя 30 лет после «шокового» перехода к рынку) обусловлено целям комплексом субъективных и объективных причин: от несовершенства государственной политики России в Арктике и на Севере до масштабного распространения платформенных, сетевых, цифровых технологий, требующих привлечения малого числа работников для их обслуживания.

2. Коммуникационное сжатие территорий (также в некоторых работах упоминается как коммуникационное сближение), означающее рост доступности территорий, мест, объектов за счет развития транспортной инфраструктуры и информационно-коммуникационных технологий. О присутствии данной тенденции свидетельствует, например, увеличение плотности и протяженности автомобильных дорог, протяженности внутренних водных путей (табл. 1, 2).

Таблица 1

Плотность автомобильных и железнодорожных путей сообщения в субъектах ЕСР, км на 1 тыс. кв. км. территории (по состоянию на конец года)

Территория	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием*			Плотность железнодорожных путей общего пользования		
	2000	2020	2020 к 2000, %	2000	2020	2020 к 2000, %
Респ. Карелия	38	47	123,7	122	123	100,8
Респ. Коми	13	16	123,1	41	41	100,0
Архангельская обл. (без Ненецкого авт. округа)	17	29	170,6	30	30	100,0
Ненецкий авт. округ**	0,9	2	222,2	-	-	-
Вологодская обл.	81	116	143,2	53	53	100,0
Мурманская обл.	17	24	141,2	61	60	98,4

Источник: данные Росстата.

Примечание: * - с 2006 г. – включая протяженность автомобильных дорог общего пользования местного значения; с 2012 г. – включая протяженность улиц.

** В Ненецком авт. округе железнодорожное сообщение отсутствует.

³ В 2017 г. Правительством Республики Коми был принят проект «управляемого сжатия» Воркуты, заключающийся в ликвидации малонаселенных микрорайонов и окрестных сел с переселением людей в центральную часть города с целью снижения нагрузки на бюджет (за счет избавления от ставших не востребуемыми объектов инфраструктуры, перенаправления высвободившихся средств на реализацию мероприятий по повышению уровня жизни оставшегося населения).

Таблица 2

Протяженность внутренних путей сообщения, тыс. км. (по состоянию на конец года)

Территория	Автомобильных (дорог с твердым покрытием)			Железнодорожных			Внутренних водных		
	2000	2020	2020 к 2000, %	2000	2020	2020 к 2000, %	2000	2020	2020 к 2000, %
Респ. Карелия	6,6	8,5	128,8	2,1	2,2	104,8	3,5	3,7	105,7
Респ. Коми	5,3	6,7	126,4	1,7	1,7	100,0	2,8	3,9	139,3
Архангельская обл. (без Ненецкого авт. округа)	7,0	12,2	174,3	1,8	1,8	100,0	3,3	3,8	115,2
Ненецкий авт. округ	0,1	0,3	300,0	-	-	-	0,4	0,4	100,0
Вологодская обл.	11,8	16,8	142,3	0,8	0,8	100,0	1,6	2,1	131,3
Мурманская обл.**	2,5	3,4	136,0	0,9	0,9	100,0	-	-	-

Источник: данные Росстата.
 Примечание: * - с 2006 г. – включая протяженность автомобильных дорог общего пользования местного значения; с 2012 г. – включая протяженность улиц.
 ** В Мурманской области преобладают горные реки, поэтому внутренний водный транспорт не развит.

В последние десятилетия на коммуникационное сжатие пространства и повышение доступности территорий ЕСР (особенно прибрежных) значительное влияние оказало также активное развитие морских путей сообщения и, в частности, Северного морского пути⁴ (СМП) как альтернативного Суэцкому каналу маршрута между Европой и Азией. Как отмечают А.Н. Пилясов и Е.С. Путилова в статье [20]: «Новая климатическая динамика в морской Арктике, стремительное уменьшение ледовитости на трассе СМП укрепляют популярность и инвестиционную привлекательность морской арктической схемы снабжения и сбыта новых проектов».

Так, за 1991-2021 гг. объем перевозок грузов по СМП увеличился в 7,3 раза (на 30,07 млн. т.: с 4,80 до 34,87 млн. т.). Возросла и общая интенсивность судоходства по арктической магистрали: за 10 месяцев 2021 г. Администрация СМП выдала 1155 разрешений на плавание в акватории Севморпути, что на 18% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Увеличились также востребованность северного маршрута среди зарубежных перевозчиков (за 11 месяцев 2021 г. по СМП прошли 75 судов под иностранными флагами, в 2020 г. – 42 суда) и, соответственно, объем транзитного грузопотока (в 2021 г. порядка 2 млн. т., что на 59% выше уровня 2020 г.).⁵

О повышении коммуникационной связанности субъектов ЕСР также свидетельствуют: рост доли организаций, использовавших глобальные информационные сети и сеть Интернет (за 2005-2019 гг. в Вологодской области с 41 до 95% и с 40,2 до 93,7% соответственно от общего числа обследованных организаций; по данным Вологдастата) и имевших веб-сайт (за 2005-2020 гг. в Вологодской области с 12,3 до 43,3% от общего числа обследованных организаций); увеличение доли населения, использовавшего сеть Интернет (за 2014-2020 гг. в Вологодской области с 60,1 до 82,8% и с 40,2 в процентах от общей численности населения области) и т.п.

3. Переход к модели корпоративного освоения пространства Севера и Арктики, где главным актором выступает крупная якорная корпорация (на смену моделей на основе интегральных комбинатов и на основе советских ведомств, трестов, главков). Эта тенденция выявлена и подробно описана в работе [3].

При этом отметим, что высокая степень корпоративизации экономики является спецификой не только Дальнего, но и Среднего и Ближнего Севера. Например, в Вологодской области (самом южном субъекте ЕСР)

⁴ Северный морской путь – это кратчайший морской путь между Европейской частью России и Дальним Востоком. Законодательством РФ определен как исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация России. Согласно Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути», определен как исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация России.

В развитие СМП (строительство терминалов, модернизацию портов и подходов к ним и т.п.) вовлечены практически все федеральные органы исполнительной власти, региональные власти приарктических территорий, ряд крупных энергетических и логистических компаний страны, имеющих свои планы по расширению этого направления. Сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/44476/>

⁵ Инвестиционный портал Арктической зоны России. URL: <https://arctic-russia.ru/article/gruzooborot-sevmorputi-v-2021-godu-gost-sverkh-ozhidaniy/>; Сайт конференции «Логистика в Арктике». http://www.murmanshelf-conf.ru/archive/presentations/2021/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_14%D0%B0%D0%BF%D1%802021.pdf

значимую роль в экономике играет вертикально интегрированная горнодобывающая и металлургическая компания ПАО «Северсталь» (основной актив – Череповецкий металлургический комбинат): в г. Череповце создано порядка 30 тыс. рабочих мест (на 2020 г.; что позволяет обеспечить работой порядка 16% от численности населения города в трудоспособном возрасте), реализуются программы социальной поддержки местных сообществ (в 2020 г. более 2,5 млрд. руб. направлено совместно с предприятиями «Севергрупп» на реализацию программы поддержки сотрудников, системы здравоохранения и населения в регионах присутствия компании) и т.д. Удельный вес налога на прибыль Череповецкого металлургического комбината в бюджетных доходах Вологодской области по данным на 2019 г. составляет 12,3%.

4. Усиление связанности и сотрудничества корпораций, предприятий, научно-образовательных структур, наиболее активно происходящее в рамках реализации проектов по освоению ресурсных баз Севера и Арктики, как отмечают А.Н. Пилясов и Е.С. Путилова [20]. Формы проявления разнообразны: от совместного освоения месторождений до создания совместного предприятия для объединения имеющихся ресурсов и опыта. Для организаций других отраслей, комплексов данная тенденция проявляется преимущественно посредством создания кластерных структур (Молочный кластер Вологодской области, туристско-рекреационный кластер «Южная Карелия»), научно-образовательных центров (НОЦ мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования») и других форм.

При этом формируемые в настоящее время связи все чаще обретают нематериальный и более мобильный, чем в советское время, характер, поскольку обеспечиваются не сетью дорог и подобной физической инфраструктурой, а организационной близостью, сетями единой инновационной, информационной инфраструктуры, кадров и др.

5. Переход к новым, более инновационным схемам пространственной организации производительных сил (платформам, хозяйственным «островам») в проектах пионерного освоения и проектах модернизации старых добычных объектов, что отмечено в работе [20]. Однако появление новых форм организации производительных сил с высокой степенью локализации и компактности, можно наблюдать в основном на территориях Дальнего Севера и Арктики, что обусловлено их высокой экономической эффективностью в условиях слабой освоенности (отсутствием необходимости инфраструктурного развития территорий освоения и организации постоянных поселков, более низкой численностью привлекаемого персонала и т.п.). Соответственно для территорий Ближнего Севера вопрос использования подобных форм организации пространства в настоящее время не стоит: здесь более востребованными остаются формы, позволяющие обеспечить связность, интеграцию всего множества агентов, территорий в пространстве, учесть их интересы и приоритеты в рамках общей концепции развития.

В целом тенденции коммуникационного и локационного сжатия, усиления связанности являются общероссийскими (проявляются практически повсеместно, хотя и в разной степени интенсивности). Тенденции перехода к новым схемам организации и моделям освоения пространства являются в большей степени специфичными для северных и арктических территорий и довольно слабо проявляются на остальных территориях РФ (исключение, на наш взгляд, составляет Дальний Восток, схожий по ряду признаков с территориями ЕСР). Обусловлено это сложностью условий освоения природных ресурсов на территории и в акватории Севера и Арктики, требующих применения новых, более инновационных технологических решений и оборудования (особенно по мере разработки труднодоступных, в том числе шельфовых, месторождений). При этом нельзя не отметить, что в целом для северных регионов страны и ЕСР в частности характерен довольно низкий уровень инновационной активности и по сравнению со среднероссийским уровнем, и по сравнению с уровнем зарубежных северных стран и регионов [21].

Отмеченные направления пространственной трансформации Европейского Севера нельзя однозначно воспринимать как позитивные или негативные, поскольку они обусловлены перестройкой пространства под реалии рыночной экономики, основанной на частной собственности, свободе выбора и конкуренции, получении максимальной экономической эффективности от использования ресурсов.

Значимость управления трансформацией пространства ЕСР (например, корректировки вышеобозначенных направлений, развития и распространения инновационных форм организации пространства и т.п.) обуславливается, во-первых, решением важной народнохозяйственной задачи по сохранению целостности и обеспечению связности пространства страны⁶, во-вторых, необходимостью развития стратегически значимых территорий Севера и Арктики, в том числе с учетом перехода к инновационной модели экономики. При этом специфика Европейского Севера, отличающегося по ряду объективных и субъективных признаков, проблемам развития от остальной территории страны, накладывает определенные ограничения не только на выбор инструментов управления, но и на постановку целей и приоритетных направлений пространственной трансформации. Например, в современных условиях цель по сплошному заселению Севера и Арктики видится

⁶ Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

нецелесообразной и нерациональной, однако сохранение и развитие сети опорных поселений – является стратегически важной задачей.

Проведенный анализ ряда стратегических документов пространственного и территориального развития (Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года, Стратегия национальной безопасности РФ⁷, Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 г.⁸, стратегии социально-экономического развития и схемы территориального планирования субъектов ЕСР) позволил выделить следующие особенности управления пространственной трансформацией ЕСР.

1. Приоритетными инструментами, с помощью которых осуществляется (планируется осуществлять) управление пространственной трансформацией, являются:

а) формирование и развитие перспективных центров экономического роста, которые обеспечат определенный вклад в экономический рост РФ (в субъектах ЕСР к ним отнесены города Вологда, Череповец, Мурманск, Петрозаводск (вклад от 0,2 до 1% ежегодно) и Нарьян-Мар (до 0,2% ежегодно)), и перспективных минерально-сырьевых центров, которые обеспечат вклад в экономический рост страны более 0,2% ежегодно (муниципальные образования Республики Коми и Ненецкого авт. округа, специализирующиеся на добыче нефти и природного газа);

б) развитие территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР г. Череповец, ТОСЭР «Онега») и инфраструктурно-обустроенных инвестиционных площадок типа Greenfield и Brownfield (индустриальные парки «Шексна» и «Череповец», «Сокол» и т.д.);

в) развитие кластерных форм организации бизнеса (Молочный кластер, Биотехнологический кластер, международный кластер деревянного домостроения и деревообработки, кластер информационных технологий «Изумрудная долина», туристский кластер Вологодской области и т.п.). При этом необходимо отметить, что большинство из них являются промышленными и слабо инновационными, т.к. ядром выступают производственные компании, а не научные учреждения (университеты, технопарки, научно-исследовательские учреждения или лаборатории и т.п.). Между тем, наличие структуры, способной постоянно генерировать новые технологические решения, - первичное условие функционирования инновационного кластера [15];

г) формирование транспортно-логистических центров и развитие транспортной инфраструктуры;

д) формирование зон опережающего развития, полюсов и точек роста (опорные центры освоения ресурсного потенциала Архангельской области – населенные пункты во всех частях региона, на базе которых размещаются основные лесозаготовительные, деревоперерабатывающие, сельскохозяйственные и горнодобывающие предприятия и т.д.).

Отмеченные инструменты организации и трансформации пространства обладают довольно слабой инновационной составляющей. Обусловлено это преимущественно их направленностью на сохранение и укрепление ресурсной специализации экономики, развитие цепочек создания стоимости в добывающих и перерабатывающих отраслях, в то время развитие инновационной экономики и отраслей 5 и 6 технологических укладов осталось практически вне поля внимания. Иными словами, несмотря на постулирование в федеральных, региональных документах стратегического планирования необходимости и важности инновационного развития территорий, за субъектами Европейского Севера сохраняется статус «ресурсных кладовых» страны.

2. В целом в сформированных стратегическими документами федерального и регионального уровня инструментарии управления пространственной трансформацией ЕСР слабо отражен акцент на внедрении новых, инновационных форм организации пространства (например, малых экономических районов, платформ, сетей и т.п.), что является барьером на пути перехода от сырьевой к более инновационной модели экономики региона.

С другой стороны, в области инновационной политики регионами реализуется стандартные практики – принятие законов о господдержке инновационной деятельности, региональных программ, предоставление субсидий малым и средним инновационным предприятиям и т.п., но практически нет попыток создать венчурное финансирование, фонды посевного финансирования и т.п. инструменты (подробно рассмотрены в [15]).

Заключение

В ходе исследования тенденций и особенностей управления пространственной трансформацией Европейского Севера России получены следующие результаты:

1. С опорой на данные официальной статистики и работы ведущих отечественных ученых по тематике исследования выделены ключевые тенденции и направления трансформации пространства современного ЕСР:

⁷ Утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. N 400

⁸ Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. N 2074-р. Отметим, что к настоящему времени Стратегии развития округа на следующий временной период не принято; стратегии развития 12 макрорегионов, сформированных в Стратегии пространственного развития, также отсутствуют. Иными словами на уровне макрорегионов РФ стратегии развития фактически отсутствуют

локационное и коммуникационное сжатие, усиление связности ключевых экономических агентов (ресурсных корпораций, научно-образовательных центров и т.д.), а также переход к новым схемам организации и моделям освоения пространства (связанный в основном с освоением природных ресурсов). Некоторые из обозначенных тенденций могут считаться предпосылками для активизации инновационной деятельности в регионе. Например, сочетание тенденций коммуникационного сжатия и повышения связности экономических субъектов формирует условия для более тесного взаимодействия агентов, активного обмена знаниями, технологиями в пространстве региона и, соответственно, способствует его инновационному развитию.

2. С опорой на анализ стратегических документов в области пространственного и территориального развития России и субъектов ЕСР определено, что:

– управление пространственной трансформацией нацелено преимущественно на дальнейшее освоение ресурсов Севера и Арктики и сохранение экспортно-сырьевой модели экономики, а не создание инновационной северной экономики. Однако в условиях перехода мировой экономики к новому технологическому укладу, появления новых внешних вызовов и угроз развитию страны, целесообразно изменить существующие приоритеты;

– в совокупности инструментов управления трансформацией преобладают традиционные для отечественной практики инструменты (создание и развитие кластеров, ТОСЭР, развитие транспортной инфраструктуры и т.п.). Между тем, в специфичном пространстве Севера и Арктики шаблонные, унифицированные инструменты и механизмы могут не только «не работать», но и дать отрицательный результат. Целесообразной видится корректировка портфеля инструментов на основе бенчмаркинга отечественного и зарубежного опыта в сфере управления пространством и обеспечения инновационного развития северных территорий и глубокого анализа, сложившихся траектории развития, тенденций и факторов трансформации пространства Севера и Арктики.

Результаты работы вносят вклад в развитие представлений о пространственной трансформации Европейского Севера России и могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, органами государственной власти и местного самоуправления субъектов ЕСР в рамках совершенствования политики в области социально-экономического и пространственного развития территорий.

Следующим этапом исследования видится разработка и научное обоснование различных сценариев прогноза пространственной трансформации Европейского Севера России (инерционного, предполагающего сохранение существующего вектора развития, и целевого, подразумевающего переход к инновационной модели экономики).

Литература

1. *Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. СПб.: Маматов, 2017. 196 с.
2. Социально-экономическое развитие северо-арктических территорий России / коллектив авторов; под науч. ред. *Т.П. Скуфьиной, Е.Е. Емельяновой*. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2019. 119 с.
3. *Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю.* Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // *Арктика и Север*. 2019. № 34. С. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
4. *Лаженцев В.Н.* Север и интеграция социально-экономического пространства (пример Северо-Запада России) // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 3. С. 48–56
5. *Кожевников С.А., Патракова С.С.* Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент*. 2020. №4. С. 87–98.
6. *Рохчин В.Е.* Основные задачи научного обеспечения пространственного экономического развития регионов (отклик на статью П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология») // *Пространственная экономика*. 2010. № 4. С. 163–167. DOI: 10.14530/se.2010.4.163 – 167
7. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 1999. 479 с.
8. Экономическое пространство: теория и реалии / Ред. кол.: *А.И. Татаркин* (рук.) и др.; Уфимск. авиац. техн. ун-т и др. М.: Экономика, 2011. 374 с.
9. *Суспицын С.А.* Концепция и методология измерения устойчивых пространственных трансформаций экономики России // *Регион: экономика и социология*. 2009. №4. С. 32–54.
10. *Двордякина Е.Б., Кайбичева Е.И.* Центральные и периферийные территории старопромышленного региона в условиях трансформации экономического пространства // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология*. 2017. Т.3 (69). № 3. Ч.2. С. 58–70.

11. Гринчель Б.М., Назарова Е.А., Кошкарлова О.И. Методический подход к измерению трансформации экономического пространства регионов России под воздействием инновационного развития и модернизации // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2013. №5. С. 64-76.
12. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Трансформация структуры экономического пространства СЗФО как предпосылка новой модели взаимодействия государства и бизнеса // Управленческое консультирование. 2016. № 6. С. 50-61.
13. Ткачев С.А. Основные факторы обеспечения трансформации и развития экономического пространства в современных российских условиях // Вестник КРАГСИУ. Серия «Теория и практика управления». 2017. № 19 (24). С. 88-90.
14. Важенин С. Г., Берсенев В. Л., Важенина И. С., Татаркин А. И. Территориальная конкуренция в экономическом пространстве. Екатеринбург: Институт экономики Уро РАН, 2011. 540 с.
15. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.
16. Пилясов А.Н., Поляченко А.Е. Районный эффект: проблемные вопросы теории и практики // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2021. № (4). С. 25-37.
17. Иванов О.И. Экономическое пространство как объект управляемой трансформации (взгляд социолога) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. №8. С. 32-38.
18. Иванов О.И. Возможности управления трансформацией экономического пространства России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. №. 4. Т.2. С. 44-47.
19. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н., проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Тропушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 420 с.
20. Пилясов А.Н., Путилова Е.С. Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо! // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 20–42. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.21.
21. Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7

References

1. Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N. Regional'nyj konsalting: priglashenie k tvorchestvu. Opyt razrabotki dokumentov strategicheskogo planirovaniya regional'nogo i municipal'nogo urovnja. SPb.: Mamatov, 2017. 196 s.
2. Social'no-jekonomicheskoe razvitie severo-arkticheskij territorij Rossii / kollektiv avtorov; pod nauch. red. T.P. Skuf'inoj, E.E. Emel'janovoj. Apatity: FIC KNC RAN, 2019. 119 s.
3. Piljasov A.N., Zamjatina N.Ju. Osvoenie Severa 2.0: vyzovy formirovaniya novoj teorii // *Arktika i Sever*. 2019. № 34. S. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
4. Lazhencev V.N. Sever i integracija social'no-jekonomicheskogo prostranstva (primer Severo-Zapada Rossii) // *Problemy prognozirovaniya*. 2020. № 3. S. 48-56
5. Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Osobennosti i problemy upravlenija prostranstvennoj integraciej jekonomiki Evropejskogo Severa Rossii // *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija Jekonomika i jekologicheskij menedzhment*. 2020. №4. S. 87-98.
6. Rohchin V.E. Osnovnye zadachi nauchnogo obespechenija prostranstvennogo jekonomicheskogo razvitija regionov (otklik na stat'ju P.A. Minakira i A.N. Dem'janenko «Prostranstvennaja jekonomika: jevoljucija podhodov i metodologija») // *Prostranstvennaja jekonomika*. 2010. № 4. S. 163-167. DOI: 10.14530/se.2010.4.163 – 167
7. Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. *Sovremennij jekonomicheskij slovar'*. – 2-e izd., ispr. M.: INFRA-M. 1999. 479 s.
8. *Jekonomicheskoe prostranstvo: teorija i realii* / Red. kol.: A.I. Tatarin (ruk.) i dr.; Ufimsk. aviac. tehn. un-t i dr. M.: Jekonomika, 2011. 374 s.
9. Suspicyan S.A. Konceptcija i metodologija izmerenija ustojchivyh prostranstvennyh transformacij jekonomiki Rossii // *Region: jekonomika i sociologija*. 2009. №4. S. 32-54.
10. Dvordjakina E.B., Kajbicheva E.I. Central'nye i periferijnye territorii staropromyshlennogo regiona v uslovijah transformacii jekonomicheskogo prostranstva // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografija. Geologija*. 2017. T.3 (69). № 3. Ch.2. S. 58-70.
11. Grinchel' B.M., Nazarova E.A., Koshkarova O.I. Metodicheskij podhod k izmereniju transformacii jekonomicheskogo prostranstva regionov Rossii pod vozdejstviem innovacionnogo razvitija i modernizacii // *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2013. №5. S. 64-76.

12. Kuznecov S.V., Mezhevich N.M. Transformacija struktury jekonomicheskogo prostranstva SZFO kak predposylka novoj modeli vzaimodejstvija gosudarstva i biznesa // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2016. № 6. S. 50-61.
13. Tkachev S.A. Osnovnye faktory obespechenija transformacii i razvitija jekonomicheskogo prostranstva v sovremennyh jekonomicheskogo prostranstva v sovremennyh rossijskih uslovijah // *Vestnik KRAGSiU. Serija «Teorija i praktika upravlenija»*. 2017. № 19 (24). S. 88-90.
14. Vazhenin S. G., Bersenev V. L., Vazhenina I. S., Tatarkin A. I. Territorial'naja konkurencija v jekonomicheskom prostranstve. Ekaterinburg: Institut jekonomiki Uro RAN, 2011. 540 s.
15. Sinergija prostranstva: regional'nye innovacionnye sistemy, klasteri i peretoki znaniya / Otv. red. A.N. Piljasov. Smolensk: Ojkumena, 2012. 760 s.
16. Piljasov A.N., Poljachenko A.E. Rajonnyj jeffekt: problemnye voprosy teorii i praktiki // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija*. 2021. № (4). S. 25-37.
17. Ivanov O.I. Jekonomicheskoe prostranstvo kak ob'ekt upravljaemoj transformacii (vzgljad sociologa) // *Jekonomika i biznes: teorija i praktika*. 2015. №8. С. 32-38.
18. Ivanov O.I. Vozmozhnosti upravlenija transformaciej jekonomicheskogo prostranstva Rossii // *Jekonomika i biznes: teorija i praktika*. 2017. №. 4. Т.2. S. 44-47.
19. Sever i Arktika v novoj paradigme mirovogo razvitija: aktual'nye problemy, tendencii, perspektivy. Nauchno-analiticheskij doklad / pod nauch. red. d.je.n., prof. V.S. Selina, d.je.n., prof. T.P. Skuf'inoj, k.jen., doc. E.P. Bashmakovoj, k.je.n., doc. E.E. Tropushinoj. Apatity: KNC RAN, 2016. 420 s.
20. Piljasov A.N., Putilova E.S. Novye proekty osvoenija rossijskoj Arktiki: prostranstvo znachimo! // *Arktika i Sever*. 2020. № 38. S. 20–42. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.21.
21. Kozhevnikov S.A. Innovacionnoe razvitie Evropejskogo Severa Rossii v kontekste integracii jekonomicheskogo prostranstva strany // *Problemy razvitija territorii*. 2021. Т. 25. № 1. S. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7

Статья поступила в редакцию 25.08.2022
Принята к публикации 14.09.2022

Received 25.08.2022
Accepted for publication 14.09.2022